

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(37)

DOI 10.17223/19988613/44/8

С.А. Вакулев

ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РИМА ВО II в. до н.э.

Рассматривается внешняя политика Римской державы во II в. до н.э. Именно в этот период отмечается стремительная экспансия Рима на эллинистический Восток. Хронологический период начинается с рубежа III и II вв. до н.э., который стал точкой отсчёта проникновения римлян на Восток, и заканчивается в 146 г. до н.э., когда пали основные средиземноморские державы того времени – Карфаген, Ахейский союз и Македония. Данный период вызывает неподдельный интерес историков, что и привело к появлению различных интерпретаций в западной историографии, анализ которых и дан в ключе развития основных событий того времени.

Ключевые слова: Римская республика; римский империализм; эллинизм; «divide et impera».

Могущество Рима состоит не в его военной мощи,
а в его способности разъединять противников.
Ганнибал, III–II вв. до н.э. [1. С. 329]

Целью данной работы является реконструкция формирования политики «divide et impera» во взаимоотношениях Рима с соседними державами во II в. до н.э. Именно второе столетие до нашей эры характеризуется феноменальным успехом Рима на восточном направлении. Поэтому возникает соблазн дать ему логическое обоснование. Задача данного исследования, учитывая существующую теоретическую историографическую базу, – проанализировать дипломатическую активность римлян в контексте формирования политики «divide et impera», а также дать объективную оценку происходящим на Востоке событиям. С момента написания Теодором Моммзеном знаменитого труда «Римская история» весь XX в. шла дискуссия о характере захватнической политики Римской республики, именованная «римским империализмом». Не потерял актуальности этот научный спор и сегодня. Поэтому в статье рассматриваются основные концепции природы римского империализма, а также проводится поэтапная реконструкция на основе источников внешней политики Римской республики во II в. до н.э.

Дипломатическая деятельность римлян может быть рассмотрена на основе письменных источников, как периода Республики, так и периода Империи. Одним из таких является «Всеобщая история» греческого историка Полибия [2]. Он был экстрадирован из Греции в качестве заложника в Рим, где образованный грек сблизился с семейством Сципионов, что позволило ему работать с документами римского Сената и быть очевидцем многих событий середины 50-х гг. II в. до н.э. Полибий старался объективно и беспристрастно подойти к анализу успехов римского оружия и дипломатии, ведя также параллельно рассказ о событиях, происходивших в других частях Ойкумены. Греческий историк был признан классиком уже в античное время, на него часто ссылались, что и позволяет восстановить

несколько утраченных книг. Некоторые выводы Полибия можно уже считать первыми попытками дать внятное объяснение успехам римлян на Востоке за столь короткий срок.

Следующий историк, чей труд заслуживает внимания, – Тит Ливий, написавший очень объёмный труд «История Рима от основания города» [3]. Тит Ливий жил в период правления Октавиана Августа, когда только устанавливалась имперская власть. Ливий был «оптиматом» – представителем аристократии, и представлял «сенатскую» интерпретацию событий, поэтому он даёт некоторым событиям и явлениям однобокую оценку. Особая же ценность Ливия в том, что он широко использовал сочинения других авторов, большая часть из которых до нас не дошла. Его данные и оценка событий очень ценны для анализа дипломатической составляющей римской внешней политики.

В работе широко использовалась «Римская история» египетского эллинистического историка Аппиана Александрийского, жившего на сто лет позже Полибия [4]. От «Римской истории» сохранилось лишь несколько книг, но эти немногие фрагменты позволяют восполнить пробелы в истории и восстановить утраченные данные из Полибия и Ливия. В частности, только у Аппиана мы найдём описание дипломатической подготовки Сирийской войны и политических перипетий войны между Нумидией и Карфагеном, приведших к падению последнего.

Следующих историков можно считать «имперцами» по убеждению. Таким представителем исторической мысли Античности следует считать Помпея Трога – современника Тита Ливия. Его труд до нас не дошёл, но существует конспект – эпитома, сделанный Марком Юстином в III в. н.э. [5]. Исследование Помпея Трога позволяет лучше ознакомиться с положением дел на Балканах и в Сирии, а также изучить ди-

пломатическую активность римлян на восточном направлении.

Небезынтересно мнение Аннея Флора, который в начале II в. н.э. составил эпитомы «Истории Рима» Тита Ливия [6]. Живший в эпоху наивысшего расцвета империи, он даёт свою оценку событиям, произошедшим во II в. до н.э.

Причины стремительной экспансии Рима во II в. до н.э. давно интересуют исследователей. Вследствие этого антиковедами выделены несколько гипотез. «Оборонительный империализм» – самая первая теория, долгое время остававшаяся основной в изучении истории римских войн. Основоположником её является Теодор Моммзен [7]. Моммзен считал, что агрессия Рима против Македонии была продиктована лишь желанием обезопасить свои границы. «Лишь тупоумная недобросовестность в состоянии не признавать, что в то время (накануне второй римско-македонской войны) Рим вовсе не стремился к владычеству над государствами Средиземного моря и желал только одного – иметь в Африке и Греции безопасных соседей...» [Там же. Т. 1 С. 38]. Царство Селевкидов также представляло опасность, поскольку Антиох III восстановил державу почти в полном объёме и вряд ли собирался на этом останавливаться.

Теория Моммзена вдохновила антиковедов на дальнейшее изучение природы римского империализма. Следующая теория о причинах римской экспансии, которая возникла в зарубежной историографии, – «случайный империализм». Она прозвучала в исследованиях М. Кэри, М. Олло, Р. Эррингтона [8]. Её последователи считали, что благодаря уникальной международной внешнеполитической ситуации Римская республика просто воспользовалась ситуацией и «случайно» вмешалась в греческие дела. Причём эту теорию можно считать условной, поскольку она рассматривалась в контексте «оборонительного империализма».

Агрессивный империализм – сейчас наиболее популярная теория среди антиковедов. Её последователи, Э. Бэдиан, У. Харрис, Дж. Брискоу, считают, что римляне целенаправленно развязали конфликт с Филиппом и шаг за шагом продвигались к мировому господству [Там же. С. 44].

При всех преимуществах той или иной концепции следует сказать, что понятие «стратегия» как таковое во времена Античности ещё не существовало. Да и само понятие «внешняя политика» к Античности применять можно условно, поскольку этот термин появился гораздо позднее.

К началу III в. до н.э. Римская держава покоряет Италию. Взоры Сената обратились на Сицилию, плодородный и выгодно расположенный край. Это не могло не привести к столкновению с Карфагенской державой, которая тоже имела свои виды на этот остров. Исход этой войны, которая продлилась около 20 лет, несмотря на равенство сил, определила большая настойчивость и решимость римлян. Пунийцы попытались взять реванш,

что привело лишь к поражению и окончательному превращению Карфагена в страну «третьего мира».

Две войны были решены сражениями на поле боя – это был спор двух сверхдержав за первенство. Фактически Рим победил за счёт преимуществ в военной силе и большей выдержке, но в то же время это стоило больших потерь и затрат. В Италии начался аграрный кризис, который подорвал влияние демократических институтов на политику.

Однако мирное время для Рима продлилось недолго. К концу III в. до н.э. меняется внешнеполитическая ситуация на Востоке. Между державами диадохов после битвы при Рафии (218 г. до н.э.) установилось шаткое равновесие. Но вскоре Селевкидская империя во главе с не лишённым способностей Антиохом III восстанавливает свои силы, тогда как придворная камарилья, пришедшая к власти в Египте, подтачивала силы государства. Македония, хоть и потерпела ряд неудач в войнах с соседями, всё ещё оставалось мощным государством. Поэтому между Антиохом III и Филиппом V был заключён союз, подразумевавший раздел египетских владений.

Пергам и Афины отправили своих послов в Рим, чтобы любым способом вовлечь их в войну. Но и в самом Сенате уже созрели определённые настроения для новой войны. Создание мощного государства у своих границ не было на руку римлянам. Почти все античные историки говорят о недовольствии Сената политикой Филиппа V, его поддержкой Ганнибалу. Не могли забыть и Первую Македонскую войну. Римский разведчик, посланный в Македонию, доносил о могуществе и призывал начать войну, пока не стало слишком поздно [3. Т. 3. С. 3]. «Римляне после победы над пунийцами и Ганнибалом не опасались никаких других военных больше, чем македонских, памятуя, какое волнение произвёл в Италии Пирр со своим небольшим македонским отрядом, и какие подвиги совершили македоняне на Востоке» [5. С. 366].

Сенат санкционировал отправку своих послов в Грецию. Римляне хотели выступить защитниками эллинистических интересов и в то же время попытались стать посредниками в конфликте между греками и Филиппом, предлагая последнему заведомо неприемлемые условия. Македонский царь отверг их ультиматум, и сенатские послы отправились дальше, ко двору селевкидского царя.

Здесь римляне виртуозно сыграли на противоречиях и алчности, имевших место быть в лагере наследников диадохов. Сенат пообещал Антиоху невмешательство в селевкидско-египетской конфликт, а взамен – нейтралитет на время войны с Филиппом V. Таким образом, перспективный и опасный альянс был разрушен одними лишь обещаниями.

Полностью осуществить свой план – создать всегреческую коалицию – римлянам не удалось – греки заняли выжидательную позицию. И лишь после ряда поражений Филиппа к союзу, правда не без некоторых

колебаний, примкнули все значительные государства Эллады [9. С. 43].

Решающее сражение произошло в 197 г. при Киноскефалах. Филипп потерпел сокрушительное поражение. Римляне поступили мудро, предложив царю мягкие условия мира – надвигалась война с Антиохом III. Сенат всерьёз опасался селевкидского царя. В Риме ходили слухи о могуществе и богатстве его державы, а самого царя сравнивали с Александром Македонским. Уже при жизни Антиох получил прозвище «Великий».

Следующим шагом римлян стало закрепление на Балканах, где положение было весьма непрочным. Но завоевать симпатии греков оказалось куда проще. Греческие полисы устали от постоянных и бесцеремонных вмешательств македонских царей. И к тому же, чтобы помешать Антиоху III сплотить население Греции против Рима, Сенат издал эдикт, по которому Греция становилась независимой и свободной от податей и вражеских гарнизонов [Там же. С. 48]. Но это был лишь дипломатический трюк. Греция всё больше и больше становилась политически зависимой от Сената. Римские купцы и ростовщики начали подчинять себе весь рынок, опутывая местное население долговой кабалой, и прибирать к своим рукам ремесло и торговлю.

«По некоей случайности Азия тотчас же стала на место Македонии, и царя Филиппа заменил Антиох, словно у фортуны был умысел, чтобы империя продвигалась сначала из Африки в Европу, а потом – из Европы в Азию» [6. С. 129]. Так рассуждает в начале своей книги о причинах войны с царством Селевкидов римский историк Анней Флор. Ливий, на которого ссылался Флор, считает, что благодаря удачному стечению обстоятельств не пришлось воевать сразу с двумя царями ещё раньше: «В своё время Пуническая война закончилась как раз вовремя, чтобы не пришлось одновременно воевать и с Филиппом; но ещё удачнее вышло, что Филипп был уже побеждён к тому моменту, как в Сирии начал войну Антиох. <...> врагов и вообще легче одолевать поодиночке, чем, когда они соберут силы воедино <...>» [3. Т. 3. С. 88]. Разноречивая оценка практически в одном и том же труде объяснима тем, что в эпоху Ливия мыслили ещё республиканскими категориями, фактически агрессивный стиль внешней политики не до конца сформировался у только нарождающийся империи, тогда как во времена Флора Римская держава переживает апогей своего могущества и достигает максимального расширения. Но, так или иначе, в ходе войны с Сирией Филипп V, недавно ещё враг римлян, оказал им помощь, чем заслужил благодарность Сената и разрешение захватить некоторые территории Этолийского союза [5].

Антиох не смог одержать победу над римлянами и потерпел сокрушительное поражение. В 189 (190) г. война закончилась подписанием в 188 г. Апамейского мира, положившего конец Селевкидскому господству. Сирийская война стала переломным моментом в истории Античности. Последняя сильная эллинистическая держава была повержена.

Уже никто не мог помешать римлянам устраивать свой «миропорядок» на Востоке. Были значительно усилены Родос и Пергам, полностью преданные Риму, как противовес Македонии и Сирии. Для сдерживания Филиппа были усилены Ахейский союз и «прощён» Этолийский. Все эллинистические державы были серьёзно ослаблены. Больше всего потерял Египет, который и запросил помощи у Сената, – Птолемеи потеряли все свои Балканские территории.

В Греции же Рим перешёл к политике формирования проримских группировок в демократических институтах. Ставка была сделана на имущие слои населения. В Ахейский союз пришёл верный Сенату стратег Калликрат.

После разгрома главных своих противников Рим стремится занять в Малой Азии положение третейского судьи. Все серьёзные решения по региону принимались теперь не правительствами малоазийских государств, а в римском Сенате. Чтобы стать царём, отныне требовалось «благословение» сенаторов. Рим запретил вести в Малой Азии крупные войны, а все агрессивные действия могли быть обжалованы в Сенате. Проводя политику «умиротворения», римляне опирались на группу многим обязанных им государств – Пергам, Родос и Каппадокию, которые после Сирийской войны попали в орбиту Рима и стали проводниками его влияния на Востоке [10. С. 347].

Римляне выступали посредниками в вифинопергамской и понтийских войнах. Главной победой римской дипломатии античные авторы Ливий и Полибий называют историю Антиоха IV, который в новой войне с Египтом почти уничтожил страну фараонов. Сенат был вынужден вмешаться, и посланник Сената Гай Попиллий очертил круг вокруг царя, сказав, что не выпустит его, пока тот не даст положительный ответ [3. Т. 3. С. 528]. Но и в отношении Египта Сенат придерживался политики искусственного поддержания распрей. «Понимая огромную силу Египта, римляне боялись, как бы он, получив искусного правителя, не предъявил неумеренных притязаний» [2. Т. 2. С. 361].

Единственным государством, которое могло бросить вызов Риму на Востоке, оставалась Македония. Новый царь, Персей, пытался заручиться поддержкой греков, ведя демагогическую политику, призывая восстать против Рима, но «оптиматы» уже были полностью на стороне Рима, и успеха македонский царь не сыскал. Новому царю не удалось изменить ход истории – потерпев сокрушительное поражение, он стал свидетелем, как Македония была поделена на четыре не связанные между собой части. По мнению Полибия, именно после этого Рим стал активно вмешиваться в дела других государств [Там же. Т. 3. С. 121].

Теперь, когда последний серьёзный соперник был уничтожен, настал черёд союзников. У Родоса были отняты территории и торговые привилегии – главным портом стал беспопыльный Делос. Пергаму чинили всевозможные препятствия, что в итоге привело к по-

тере им независимости в 133 г. до н.э. Ахейский союз, который оставался сильнейшим государственным образованием на Балканах, постоянно дестабилизировался внутренними противоречиями, которые охотно раздувал римский Сенат.

Создаваемый римлянами баланс оказался иллюзорным. В Греции и Македонии началось антиримское восстание, Карфаген попытался сопротивляться принудительному переселению, в Испании местные племена во главе с Вириатом создали угрозу римскому господству на Пиренеях. Только тогда римляне перешли к захвату и освоению провинций. Из Македонии и Греции была создана одна провинция, Аттал III завещал своё царство римскому народу, Карфаген был уничтожен, а его земли включены в провинцию Африка.

Как и отмечалось ранее, римляне, которые начали свой путь к мировому могуществу с войн с Македонией и Сирией, вряд ли были движимы одной лишь жадной завоеваний. Не стоит забывать, что только что закончилась тяжелейшая война с Карфагеном. Аппиан, Ливий говорят о страхе перед Македонией, сравнивая Филиппа с Пирром. Столкновения с Пирром показали эффективность греческой военной тактики, которая не потеряла актуальность и во II в. до н.э., – македонская фаланга едва не сокрушила римлян в битве при Пидне (168 г. до н.э.). Ещё больше муссировались слухи о могуществе Селевкидого царства во главе с «новым Александром» – Антиохом III Великим, что повлекло со стороны римлян определённые действия. Не стоит забывать и действия посольств Ахейского союза и Пергама, которым жизненно необходимо было вовлечь Рим в свою коалицию. Создание на рубеже своей границы мощной коалиции эллинистических государств вряд ли входило в планы римлян. Благо для римлян, что противоречия были настолько сильны среди держав диадохов, что даже перед лицом военной опасности их вожди не смогли найти в себе силы для отпора Риму, хотя располагали всеми силами для этого.

Пропаганда, как эффективный способ создания выгодной ситуации, тоже имела место быть в дипломатических приёмах римского Сената. Если во Второй Македонской войне римляне использовали лозунг «освобождения Греции» от Филиппа V, то в Малой Азии внешняя политика проводилась под лозунгом защиты «слабых от сильного» [11. С. 282]. Во время Второй Македонской войны римляне использовали исторически сложившиеся разногласия внутри греческого мира, умело настраивая одних греков против других. В Сирийской войне римляне сами сформировали оппозицию Антиоху, пользуясь его даже небольшими ошибками и раздавая обещания.

На Востоке Сенату было выгодно создавать и поддерживать баланс между основными державами,

ослабляя их и создавая им противовес. Присоединять эти территории не было выгодно, поскольку создаваемые ими державы были не свободны в политическом отношении, но в то же время служили «буфером» от остальных, пока ещё не вошедших в соприкосновение с Итальянской республикой. Тогда только нарождались Пергам, Персия и Армения. К 146 г. до н.э. нужда и в буферных государствах отпала.

Вскоре к власти в Сенате пришла партия Метеллов, которая прославилась своей жадностью и провальной внешней политикой. На их правление приходится ряд дипломатических неудач, что фактически откатило Рим обратно, к той же политике, что предшествовала экспансии на Восток. Кризис показал неумение Сената руководить разросшейся империей. Римляне вернулись к этой тактике в I в. до н.э., когда схожими методами Помпей разгромил Понтийское царство и присоединил Сирию на правах провинции, а Цезарь в короткий срок захватил Галлию, но это были уже последние успешные войны угасающей республики.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: во II в. до н.э. римская внешняя политика «ковалась» под влиянием совокупности факторов. Международная обстановка второго столетия до н.э., когда появилась опасность со стороны эллинистических государств, т.е. возможное повторение «сценария» войн с Ганнибалом и Пирром, чего римлянам вряд ли хотелось. Слухи о могуществе эллинистических государств подогревались Пергамом и Египтом, которым было необходимо привлечь Рим на свою сторону. В этих условиях Рим не мог не вмешаться в греческие дела и не мог избежать столкновений с Филиппом и Антиохом. Поэтому характерной чертой римской внешней политики во II в. до н.э. стала гибкость и комбинация дипломатических приёмов, которая и позволяет говорить о «продуманной» политике римского Сената. «Divide et impera» сформировалась, в первую очередь, как ответ на внешние угрозы, для предотвращения создания антиримских коалиций и создания у своих границ враждебного государства.

Таким образом, Рим просто отвечал на внешние угрозы. Ключевыми маркерами процесса формирования этой политики стали усиление государств, которые были антагонистами ключевым игрокам – Сирии, Египту и Македонии, и одновременно ослабление последних. Но и чрезмерное усиление не приветствовалось и Сенат чинил всевозможные препятствия. На Востоке Рим пытался сформировать цепочку подконтрольных государств, создав некое подобие баланса, и Сенат активно вмешивался в любой локальный конфликт между мощными странами, не давая уничтожить или чрезмерно ослабить. И только лишь после уничтожения Карфагена и Коринфа Рим перешёл к освоению и присоединению территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разин Е.А. История военного искусства. XXXI в. до н.э. – VI в. н.э. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 560 с.
2. Полибий. Всеобщая история : в 2 т. М. : АСТ, 2004.

3. Ливий Тит. История Рима от основания города. М. : Наука, 1991.
4. Аппиан Александрийский. Римская история. М. : Наука, 1998. 726 с.
5. Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 493 с.
6. Флор Анней. Две книги Римских войн // Малые римские историки ; сост. А.И. Немировский. М. : Ладомир, 1996. С. 91–199.
7. Моммзен Т. История Рима : в 4 т. Ростов н/Д : Феникс, 1997. Т. 1. 640 с.
8. Кашеев В.И. Первая римско-македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7. С. 41–50.
9. Кашеев В.И. Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья // Античный мир и археология. Саратов, 1986. Вып. 6. С. 42–57.
10. Ковалёв С.И. История Рима : курс лекций. СПб. : Полигон, 2002. 864 с.
11. Международные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / под ред. И.А. Стучевского. М. : Наука, 1987. 317 с.

Vakulev Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vakulevs@gmail.ru

FEATURES OF THE EASTERN POLICY OF ROME IN II C. A.D.

Keywords: Roman Republic; roman imperialism; hellenism; “divide et impera”.

The aim of this work is to reconstruct the formation of policy “divide et impera” in relationship of Rome with neighboring powers in the 2nd century B.C. This era is noted by a triumphal entry of the Roman Republic to the world scene, ended with submission of the Hellenistic East. When studying this subject works of antique historians, such as Polybius, Tit Livy, Appian of Alexandria, Yustin and Annaeus Florus were actively applied (used). In the article the short review is given to the main concepts, characterizing foreign policy of the Roman power – a “defensive”, “aggressive” and “accidental” imperialism. In the article the short review of the main methods of carrying out in life of the well-known principle “divide and dominate” (“divide et impera”) is given. Two Punic wars showed Rome the inefficiency of direct military collision with the strong power alone. For this reason, preparation for war and creation of the coalitions became company line of Rome. For Antiochus did not “get” the Greek sympathy, Romans “freed” Greece. Exile of the Hellenistic powers from the Greek world allowed Rome to create groups of the pro-Roman influence of the most loyal citizens. Being afraid of appearance of the powerful rival, the Senate strengthened the small states for a counterbalance to the powerful Hellenistic states. Creation of balance was a main goal of Rome on east direction. After destruction of Macedonia, in Rome certain aggressive moods among the large capital, which were represented by Kato the Elder, ripened. Taught by bitter experience of semi centennial opposition with Carthage, Rome avoided more wars of attrition, following what cunning foreign policy activities for prevention of the large conflicts appeared. Thereof, Romans in every possible way counteracted strengthening of rivals, whether it was Egypt, Macedonia or the Seleucid Empire. The Italic state created new players for counteraction to kingdoms of successors of Diadochi. Therefore, accession of new provinces was not in the plans of the Senate. Eternal dissociation of Greece, discord in the camp of Diadochi favored to Romans. Only with “divide et impera” and with arrival to the power of usurers and slaveholders, the Roman republic began to attach new lands in Greece and Asia Minor.

REFERENCES

1. Razin, E.A. (1999) *Istoriya voennogo iskusstva. XXXI v. do n.e. – VI v. n.e.* [The history of the art of war. The 31st BC – 6th BC]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Polybius. (2004) *Vseobshchaya istoriya: v 2-kh t.* [The General History of Polybius. In 2 vols]. Moscow: AST.
3. Titus Livius. (1991) *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [The history of Rome from the founding of the city]. Moscow: Nauka.
4. Appian of Alexandria. (1998) *Rimskaya istoriya* [The Roman history]. Moscow: Nauka.
5. Yustin. (2005) *Epitoma sochineniya Pompeya Troga “Historiae Philippicae”* [Epitome of Pompey Trogus’ “Historiae Philippicae”]. Translated from Latin by A.A. Dekonsky, M. I. Rizhsky. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Annaeus Florus. (1996) *Dve knigi Rimskikh voyn* [The two books of the Roman wars]. In: Nemirovskiy, A.I. (ed.) *Malye rimskie istoriki* [Small Roman historians]. Moscow: Ladimir. pp. 91-199.
7. Mommzen, T. (1997) *Istoriya Rima: v 4-kh t.* [History of Rome. In 4 vols]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Fenix.
8. Kashcheev, V.I. (1990) *Pervaya rimsko-makedonskaya vojna v interpretatsii angliyskikh i amerikanskikh antikovedov* [The first Roman-Macedonian War in the interpretation of the English and American antiquity researchers]. In: Borukhovich, V.G. (ed.) *Antichnyy mir i arkhеologiya* [The ancient world and archeology]. Issue 7. Saratov: Saratov State University. pp. 41-50.
9. Kashcheev, V.I. (1986) *Lozung osvobodzheniya grekov v mezhgosudarstvennykh otnosheniyakh Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [The slogan of the Greek liberation in the international relations of the Eastern Mediterranean]. In: Borukhovich, V.G. (ed.) *Antichnyy mir i arkhеologiya* [The ancient world and archeology]. Issue 6. Saratov: Saratov State University. pp. 42-57.
10. Kovalev, S.I. (2002) *Istoriya Rima* [The History of Rome]. St. Petersburg: Poligon.
11. Stuchevskiy, I.A. (ed.) (1987) *Mezhdunarodnye otnosheniya i diplomatiya na Drevnem Vostoke* [International relations and diplomacy in the Ancient East]. Moscow: Nauka.